

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Франсуаза Саган

Слезинка в красном вине

Франсуаза Саган

Линное солнце в холодной воде

Рэй Брэдбери

Летнее утро, летняя ночь

Рэй Брэдбери

Лекарство от меланхолии

Гастон Леру

Призрак Оперы

Антуан де Сент-Экзюпери

Маленький принц

ГАСТОН
ЛЕРУ

*Призрак
Оперы*

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Л49

Gaston Leroux
LE FANTÔME DE L'OPÉRA

Перевод с французского *Н. Световидовой*

Разработка и оформление серии *Е. Анисиной*

Леру, Гастон.

Л49 Призрак Оперы : [роман] / Гастон Леру ; [пер. с фр. Н. Световидовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-699-91451-7

Этот роман известен прежде всего благодаря мюзиклу Эндрю Ллойда Уэббера. Романтика, приключения, детектив — кажется, Гастон Леру собрал в своем романе все жанры.

Итак — Парижская Опера. С некоторых пор здесь происходит нечто странное: падают люстры, рушатся декорации, пропадают вещи, то и дело сотрудники театра вздрагивают от необычных звуков.

Ходят слухи, что все это — дело рук таинственного Призрака. Кто он, этот злой гений парижского театра? Существует ли он на самом деле или все, что о нем рассказывают, — лишь мрачные легенды?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Н. Световидова, перевод
на русский язык, 2016

© Оформление.

000 «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91451-7

Моему старшему брату Джо, который, не имея ничего общего с призраком, был тем не менее, как Эрик, ангелом музыки.

ПРЕДИСЛОВИЕ,

в котором автор этого загадочного произведения повествует о том, как он убедился в существовании Призрака Оперы

Призрак Оперы существовал на самом деле. Он не был, как считали долгое время, плодом суеверного воображения артистов и директоров, нелепым созданием фантазии кордебалета, горничных, гардеробщиц и консьержки.

Да, он существовал во плоти, хотя был похож на настоящий призрак, иными словами, на тень.

С того самого дня, когда я начал раскопки в архивах Национальной академии музыки, меня поразило удивительное совпадение явлений, связанных с призраком, и событий самой загадочной, самой фантастичной драмы, и довольно скоро мне пришла мысль, что эти события и эти явления самым естественным образом связаны между собой. Всего лишь три десятка лет отделяют нас от тех таинственных событий, и до сих пор можно встретить в

этой обители музыки старичков, достойных всякого уважения, которые помнят — как будто речь идет о вчерашнем дне — непонятные и трагические обстоятельства, сопровождавшие похищение Кристины Даз, исчезновение виконта де Шаньи и смерть его старшего брата, графа Филиппа, чье тело было найдено на берегу озера, скрытого в подземельях Оперы, неподалеку от улицы Скриба¹. Однако до сих пор ни одному из этих очевидцев не приходило в голову связать с этими событиями образ Призрака Оперы.

Истина долго и трудно доходила до моего сознания, не на шутку озабоченного расследованием, которое то и дело наталкивалось на события и факты, на первый взгляд сверхъестественные, и я не раз собирался забросить это хлопотное и бесперспективное занятие, отчаявшись напасть хоть на какой-то след. Наконец у меня появились первые доказательства, что предчувствия не обманули меня, и скоро усилия мои были вознаграждены, когда в один прекрасный день я убедился окончательно, что Призрак Оперы был не просто бесплотной тенью.

В тот день я много часов провел в обществе «Мемуаров директора Оперы», весьма поверхностного произведения скептика Моншармена, который за время своей службы в Опере так ничего и не понял в загадочных поступках призрака, потешался над ним до того самого момента,

---

¹ С к р и б, Эжен (1791—1861) — французский драматург и либреттист.

когда сам стал первой жертвой курьезной финансовой операции, связанной с «магическим конвертом».

Утомленный и разочарованный, я уже выходил из библиотеки, как вдруг увидел добрейшего администратора нашей Национальной академии, о чем-то болтавшего на ступенях лестницы с невысоким, бойким и кокетливым старичком, которого он не замедлил мне представить. Господин администратор был в курсе моих изысканий и знал, с каким пылом и как безуспешно я пытаюсь выяснить местопребывание судебного следователя по громкому делу Шаньи, господина Фора. Никто не знал, что с ним стало: жив он или умер; и вот теперь, прожив пятнадцать лет в Канаде, он вернулся в Париж и первым делом пришел к администратору попросить бесплатный билет на вечерний спектакль. Именно господин Фор и стоял сейчас на ступенях лестницы. Я провел с ним почти весь вечер и услышал в его изложении факты того давнего дела Шаньи. За неимением других доказательств он пришел к заключению о безумии виконта и о гибели его старшего брата в результате несчастного случая, однако оставался при убеждении, что между братьями произошла ужасная драма, причиной которой была Кристина Даэ. Он не смог мне сказать, что случилось с Кристиной и с виконтом. И, разумеется, когда я завел разговор о призраке, он только расхохотался в ответ. Он тоже слышал о таинственном существе, которое будто бы избрало местом жительства подземелья Оперы, знал он и историю с «конвертом», но не находил в этом никакой связи с делом Шаньи. Правда, однажды ему довелось выслушать показания свидетеля,

утверждавшего, что он встречался с призраком. Этим свидетелем был человек, которого весь Париж называл Персом и которого хорошо знали завсегдатаи Оперы. Конечно же, господин следователь принял его за чудака, страдающего галлюцинациями. Как вы можете себе представить, я чрезвычайно заинтересовался этим Персом и во что бы то ни стало захотел разыскать столь ценного свидетеля. Мне повезло: я нашел его в маленькой квартирке на улице Риволи, в которой он жил с незапамятных времен и в которой умер пять месяцев спустя после моего визита.

Вначале я отнесся к нему с недоверием, но, когда Перс с детской искренностью поведал мне все, что знал о призраке, и передал в мое полное распоряжение свидетельства его существования, в частности удивительные письма Кристины Даз, повествующие о ее необычной судьбе, я не мог более сомневаться: призрак не был мифом.

Позже мне возражали, что письма эти могли быть и не подлинными, что их с первого до последнего слова мог сочинить человек с богатым воображением, однако мне удалось раздобыть образец почерка Кристины. Я сравнил его с тем, которым были написаны знаменитые письма, и последние мои сомнения рассеялись окончательно.

Кроме того, я навел подробнейшие справки о Персе и убедился в его честности и в том, что он не мог сочинить такую фантастическую историю с намерением ввести в заблуждение правосудие.

Это же подтвердили весьма известные лица, которые в той или иной мере были связаны с делом Шаньи, близкие друзья этой достойной семьи. Я познакомил их с результатами своих исследований и своими выводами, к которым они отнеслись очень благосклонно, и в этой связи я позволю себе процитировать письмо, адресованное мне генералом Д.:

«Сударь!

Я не стал бы спешить с публикацией результатов Вашего расследования. Я помню, как за несколько недель до исчезновения великой актрисы Кристины Даэ и драмы, повергнувшей в траур все предместье Сен-Жермен, в Опере много говорили о призраке, и разговоры эти прекратились только после известного Вам дела. Однако, если есть возможность — в чем я убедился после встречи с Вами — дать новое толкование этой драмы, я не возражаю против Вашей версии призрака: как бы загадочна она ни была, она все-таки более разумна, нежели та темная и неприглядная история, в которую недобросовестные люди впутали двух братьев, обожавших друг друга всю свою жизнь... Примите уверения и пр.».

Наконец, захватив с собой пухлое dossier, я вновь появился в обширных владениях призрака — в чудовищном сооружении, которое он считал империей, и все, что я увидел здесь своими собственными глазами, все, что угадывал мой разум, подтверждало свидетельства Перса,

и, наконец, венцом моих долгих трудов стала одна удивительная находка.

Многие помнят, что недавно, когда в подземельях Оперы производили захоронение записанных на фонографе голосов артистов, один из рабочих наткнулся на труп, и я сразу увидел на нем доказательство того, что то был труп Призрака Оперы! Я сунул это доказательство под нос администратору, так что пусть теперь газеты болтают, что в подземельях нашли жертву Коммуны.

Несчастных, которых во время Коммуны расстреливали в этих подвалах, хоронили совсем в другом месте. Я мог показать, где покоятся их скелеты — в другой стороне, далеко от этого огромного склепа, в котором в те годы хранились запасы провизии.

Мы еще поговорим об этом трупе и о том, как с ним поступить, а пока пора заканчивать это пространное, но совершенно необходимое предисловие и поблагодарить за помощь и поддержку господина комиссара полиции Мифруа (который первым вел дело об исчезновении Кристины Даэ), бывшего секретаря Реми, бывшего администратора Мерсье, бывшего хормейстера Габриеля и в особенности мадам баронессу Каstellо-Барбезак, которая когда-то была «малышкой Мэг» (и которая, кстати, этого не стыдится), самую прелестную звездочку нашего великолепного кордебалета, старшую дочь почтенной мадам Жири, покойной билетерши ложи призрака, — одним словом, тех, кто дал мне возможность пережить вместе с читателем минуты чистейшего счастья и ужаса.

Я бы чувствовал себя неблагодарным, не выразив, в преддверии этой жуткой и невыдуманной истории, признательность нынешней дирекции Оперы, которая благосклонно отнеслась к моим исследованиям, в частности, господину Мессаже, администратору Габриону и архитектору, до сих пор заботящемуся о сохранении этого величественного сооружения, который, не задумываясь, одолжил мне рукописи Шарля Гарнье, хотя был почти уверен, что не получит их обратно. Наконец, мне остается отметить благородство моего друга и бывшего сотрудника господина Ж.-Л. Кроза, который предоставил в мое распоряжение театральную библиотеку и уникальные издания, которыми он очень дорожил.

Глава I

Призрак?

В тот вечер, когда директора Оперы Дебьен и Полины давали банкет по случаю своей отставки, в артистическую уборную Сорелли, одной из прима-балерин, неожиданно влетела стайка девушек из кордебалета, только что покинувших сцену после представления «Полиевкта». Они были в сильном смятении: одни неестественно громко смеялись, другие испуганно попискивали.

Сорелли, собравшаяся хотя бы ненадолго побыть в одиночестве и повторить прощальную речь, которую ей предстояло произнести перед господами отставными директорами, с неудовольствием взглянула на шумную компанию, толпившуюся в дверях. Первой заговорила малышка Жамм — носик во вкусе Гревена¹, глаза-незабудки, розовые щечки, лилейная шейка, — которая сумела вымолвить только два слова дрожащим, хриплым от ужаса голосом:

— Там призрак! — И тут же закрыла дверь на ключ.

---

¹ Гревен (1827—1892) — художник-карикатурист.

Уборная Сорелли была обставлена роскошно и вместе с тем донельзя банально: на стенах гравюры — память о матери, заставшей еще прекрасные времена старой Оперы на улице Ле Пелетье. Портреты Вестриса, Гарделя, Дюпона, Биготтини. Но эта комната казалась настоящим дворцом для юных балерин, которые размещались в общих уборных, где они пели, дурачились, ссорились, колотили парикмахеров и костюмерш и баловались черно-смородиновой наливкой, пивом или даже ромом в ожидании звонка на выход.

Сорелли была очень суеверной и, услышав слова малышки Жамм, вздрогнула и проговорила:

— Бедняжка!

И поскольку она больше других верила в привидения вообще и в Призрака Оперы в частности, Сорелли нетерпеливо затормошила девочек:

— Так вы его видели?

— Вот так же близко, как вас! — закатила глаза малышка Жамм и без сил опустилась на стул.

— Бр-р! Это просто чудовище! — подхватила младшая Жири, хрупкое создание с живыми карими глазками, иссиня-черными волосами и смуглой кожей, плотно обтягивающей худенькое тельце.

— О! Чудовище! — хором выдохнули балерины и затараторили, перебивая друг друга.

Призрак предстал их взору в виде господина в черном, который неожиданно появился в коридоре неведомо откуда, как будто вышел из стены.

— Да ну вас, — сказала одна из них, сумевшая сохранить хладнокровие. — Всюду вам мерещится призрак.

По-своему она была права: вот уже несколько месяцев в Опере только и было разговоров, что о призраке в черном фраке, который, как тень, прогуливался по огромному зданию, ни с кем не заговаривая, с которым, впрочем, никто и не посмел бы заговорить и который исчезал, будто испарялся, завидев человека. Передвигался он неслышно, как и подобает настоящему призраку. В конце концов некоторые начали посмеиваться над этим оборотнем, одетым как светский человек или как служащий похоронного бюро, причем больше всех смеялись те, кто боялся призрака по-настоящему. Зато среди девушек из кордебалета легенда разрослась до невероятных размеров. Они в один голос утверждали, будто видели это сверхъестественное существо и даже были жертвами его козней. Когда он не попадался на глаза, он обнаруживал свое присутствие необычайными событиями, виновником которых его сделало почти всеобщее суеверие. Любая шутка, любой розыгрыш, даже исчезновение пуховки для пудры у кого-то из балерин, — вменялись в вину призраку, Призраку Оперы!

Но кто вообще его видел? В Опере можно встретить множество фраков, и ничего призрачного в них нет, но этот обладал особым качеством, не присущим обычным фракам: он был надет на скелет.

По крайней мере, так утверждали девушки, добавляя, что вместо головы у него на плечах был голый череп!

Наверняка можно было сказать только то, что образ скелета родился из описания призрака, которое дал Жозеф Бюкэ, старший машинист сцены: он единственный видел его своими глазами. Он столкнулся с таинственным существом — нельзя сказать: нос к носу, так как носа у того не было — возле самой рампы, на узкой лестнице, спускавшейся прямо в подземелье. Он видел его одну секунду, но запомнил во всех подробностях.

Вот какими словами рассказывал Жозеф Бюкэ о призраке всем, кто хотел его послушать:

— Это человек жуткой худобы, и его фрак болтается на костях, как на вешалке. Глаза посажены так глубоко, что зрачков вообще не видно, видны только две большие черные дыры в черепе. Кожа, как на барабан, натянута на костях, она вовсе не белая, а какого-то мерзкого желтого цвета, вместо носа — еле заметный бугорок, так что в профиль его вообще не видно, и само это отсутствие носа являет собой отвратительное зрелище. Вместо волос несколько длинных черных прядей, свисающих на лоб и за ушами.

Жозеф Бюкэ бросился вслед за странным существом, но оно исчезло, как по волшебству, не оставив никаких следов.

Старший машинист был человек серьезный, рассудительный, лишенный воображения, не болтун и, самое главное, непьющий. Его рассказ выслушивался с почти полным удивлением и интересом, и вскоре нашлись другие люди, которым также встречался скелет в черной одежде и с черепом вместо головы.